Ретлапы были простым, но выносливым народом. Несмотря на языковой барьер, Гарри наслаждался жизнью с ними. Из всего племени, состоящего из двух десятков семей, менее десяти говорили на вестронском, чтобы поддерживать с ним беседу. Тем не менее Гарри никогда не нуждался в компании, пока был с ними. По прибытии Тиадульф с удовольствием представил Гарри каждому члену своей группы, и Гарри быстро затерялся в море имен.

"Это мои сыновья, - сказал Тиадульф, с нескрываемой гордостью глядя на двух мальчиков, стоявших перед Гарри. Первому было лет шестнадцать-семнадцать, и он во многом походил на своего отца, хотя еще не успел вырасти. Младшему было не больше шести, и он смотрел на Гарри широко раскрытыми голубыми глазами. Тиадульф продолжал: "Тиадвард - старший, а Тиадви - младший. С благословения волшебника они вырастут сильными!"

Гарри перевел взгляд на крупного мужчину, сидящего рядом с ним, пытаясь понять, что он имеет в виду. Он хотел, чтобы Гарри каким-то образом "благословил" детей? Гарри не думал, что существует магия, способная сделать это так просто. Самое близкое, что он знал, - это защита, которую давала его собственная мать, но такие вещи глубоко сидели в крови, костях и магии, и никакие слова не могли выразить подобный дар.

Вместо этого он положил руку им на лоб и произнес несколько слов по-английски: "Пусть вы будете сильными, живите долго и познаете дружбу и любовь во все свои годы". Слова показались ему глупыми и пустыми, как будто он участвовал в одном из спектаклей в своей старой начальной школе, но Тиадульфа они, похоже, удовлетворили.

Вождь Ретлапа тяжело хлопнул рукой по плечам своих детей, а затем встряхнул их, сказав: "En graten jeve thi haebben weta na".

Оба мальчика склонили головы перед Гарри и пробормотали тихие слова, которые Гарри едва расслышал, но смысл их был ясен. Они благодарили его. Он не знал, что ответить, поэтому просто улыбнулся и кивнул головой, как будто понял. Казалось, это их удовлетворило.

Затем Гарри поспешил к следующему: склоненная старуха с единственным торчащим зубом, потом обветренный воин, на лице которого было больше шрамов, чем у Гарри, затем девушка с соломенными волосами и румяным цветом лица. Потом жена Тиадульфа, Энна, усталая, но добрая брюнетка. К нему подводили все новых и новых людей, и Гарри растерялся, почувствовав себя осажденным множеством улыбающихся и восторженных лиц.

Он вздохнул с облегчением, когда Тиадульф наконец покинул Гарри, чтобы возглавить подготовку к пиру в его честь. Он попытался найти тихий уголок, чтобы присесть и успокоиться. Он и не подозревал, насколько неуютно ему стало среди людей.

В первую неделю его пребывания в Ретлапе столь желанный покой редко приходил. Он был предметом благоговения и любопытства. Небольшая толпа детей и подростков следовала за ним, куда бы он ни пошел, и единственной передышкой для него было, когда он тихонько забирался в один из крытых вейнов, медленно шедших по восточным равнинам.

Ретлапы вели довольно суровую жизнь, как и все племена и группы, бродившие по великим равнинам Рюна. У них было небольшое стадо выносливых коз, которые давали им молоко, сыр и иногда немного мяса. Самым ценным товаром для них были лошади - огромные лохматые звери, которые, по мнению Гарри, напоминали смесь между ширскими лошадьми и горным скотом. Это были некрасивые звери, их было нелегко приручить и на них невозможно ездить, но они были выносливы, а выносливость - самое важное качество, которым можно обладать на равнинах Рюна.

Каждый вечер, сидя у костра, он слушал рассказы других членов племени. Старый и покрытый шрамами воин, которого, как выяснил Гарри, звали Вамбальд, переводил их по мере того, как они рассказывались.

Был такой ветер - Витивинд, ветер с зубами, как перевел его Вамбальд. Постоянный грызущий ветер, который поднимался на равнинах в первые месяцы года. Рассказывали старые истории о людях, потерявших рассудок от неумолимого ветра, и о детях, которых чуть не сдуло, когда пыль и песок взметнулись в шторм, когда они отошли слишком далеко от родных кулис.

Другой рассказывал о великих червях, проникающих в глубины скал и камней, о великих оборотнях самого дальнего Востока. Для Ретлапы, не путешествовавшей так далеко за пределы цивилизации, это были не более чем сказки, но что это были за сказки.

Огромные существа, длина которых, по слухам, превышала сто метров. У них были огромные пасти, усеянные острыми сверкающими алмазными зубами, и они проникали сквозь камень восточных пустошей, как рыба сквозь воду. Одна из старух рассказала о страннике, который ходил по извилистым туннелям оборотней и видел под землей великий город света, где вершил суд король-оборотень.

Отсюда пошли рассказы о великих драконах и вирмах Севера - огромных чудовищах размером почти с оборотня, но с огненным дыханием и жестоким и хитрым умом. Они походили на более крупные версии драконов, которых Гарри знал у себя дома, но больше всего боялись именно их интеллекта и магической силы. Они могли украсть у человека воспоминания или проклясть его до безумия. Просто сразиться с драконом было отличной сказкой для костра, но лишь немногие из этих историй имели счастливый исход: большинство погибало в момент победы, когда последняя злоба дракона вела их к гибели.

Рассказывали и о великих набегах на запад. Последний из них произошел всего тридцать лет назад. Именно поэтому многие старейшины говорили на языке Запада. Сам Вамбальд был молодым воином в битве при Свартфиоре, битве Огня во тьме, когда армия Гондора обрушилась на лагерь коалиции Рюна во тьме. Объясняя случившееся, он указал на жестокий зазубренный шрам, пересекавший его глаз и нос.

"Нас вел Херумор Великий, - пояснил он, глядя вдаль. "Великий воин, но жестокий. Он был не из равнинного народа, он пришел с востока или юга, я не знаю. Он обладал огромной силой, и ни у кого из племен не хватало сил противостоять ему".

Все смотрели на Вамбалда, пока он начинал свой рассказ, одна из пожилых женщин тихонько бормотала, пока он говорил, и переводила его слова для более молодых.

"Он пришел к нашему народу во времена деда моего деда и, казалось, никогда не старел. Всегда высокий, всегда крепкий, как железо, и жестокий, как ветер. В сказаниях говорится, что мы пытались воевать; мы были северянами, а Херумор велел нам вести войну против южан. Тогдашние вожди пытались ослушаться его приказа, но он и его величайшие воины были повержены в мгновение ока. Говорят, что на Херуморе были только тонкие шелка людей Востока, когда он поверг племя на землю, так велика была его сила. К тому времени, когда я родился, мы ходили за ним на войну больше лет, чем я могу сосчитать.

"Он утверждал, что его сила исходит от его хозяина, но он был единственным хозяином, которого мы когда-либо знали. Он водил нас в великие набеги на мягкий народ Юга, их деревни и города пали под ударами наших воинов. Даже их короли погибли от наших рук, а женщин и детей мы забирали в рабство, чтобы продать или насладиться ими". Он с раскаянием вспомнил о своих молодых поступках.

"До его прихода рабство не было уделом жителей равнин, мы были гордыми и равными. Какую ценность представляет для нас раб? Еще один рот, который нужно кормить, еще две ноги, которые должны болеть. Но он дал нам почувствовать вкус славы, величайшей славы, которую когда-либо знал наш народ. Великие страны Юга содрогнулись при виде нашего ухода". Младшие члены аудитории завороженно слушали, пока он продолжал.

"Ондоэр из Гондора был убит собственной рукой Херумора в Битве под горами, и его род прервался. Мы верили, что наконец-то пришла победа, что Королевство Юга пало ниц и погибло под нашими клинками. Мы долго праздновали, я хорошо это помню, моя жена родила мне сына в те дни, и его должны были назвать Гримстреда, когда он достаточно подрастет, чтобы взять себе имя". Он сделал глубокий глоток алкогольного напитка, который держал в руке.

"Они обрушились на нас ночью, когда все молчали или погрузились в свои кубки. Не было предупреждения, и их всадники растоптали всех, когда пронеслись через лагерь и подожгли костры. Я пытался сражаться, я стоял на защите своей жены и семьи перед лицом мстительной армии южан.

"Некоторые из нас пытались бежать дальше на юг, они запрягали вьюки и разгоняли зверей до огромной скорости. Большинство из них погибло, когда они бежали в Мертвые болота, которые поглощали повозки и людей без пощады. Я помню их крики, женщин и детей, утопающих в грязи и крови. Я помню, как сам Херумор был обращен в бегство в панике, чтобы утонуть в голодных болотах, как младенец, которого не кормили грудью.

"В ту ночь мне повезло: Эдильда и малышка скрылись в ночи вместе со мной. В следующую мне не повезло. Наш народ был сломлен и потерян, долгие годы жестокости привели к тому, что у нас почти ничего не осталось. Люди, мой собственный народ, пришли в наш лагерь следующей ночью и оставили мне этот шрам, когда я пытался бороться с ними". Его палец

медленно провел по длинному шраму.

"Они забрали ее и убили младенца". Он резко остановился и угрюмо уставился в огонь.

Наступило долгое неловкое молчание, после чего одна из женщин начала петь причитания. Гарри не понимал слов, да и мелодия была простой, но от ее звучания у него зашевелились волосы. Ее голос был немного дребезжащим и неуверенным, но в нем было столько сочувствия и печали, что это не имело никакого значения. Вскоре к ним присоединились другие, и постепенно мрачное настроение было забыто, а песни становились все веселее и веселее. Вскоре младшие уже танцевали, а старшие подбадривали их.

Гарри украдкой взглянул на Вамбалда, который с грустной улыбкой наблюдал за танцующими, хлопая в ладоши и ударяя коленом в такт. Он не мог не испытывать к нему настоящего уважения.

http://erolate.com/book/4278/151923